

Личное начало в стихах на случай Нового года С. С. Боброва

Появление «стихов на случай» в России связано с XVII в. и Симеоном Полоцким, который в 1653 г. составил польско-латинскую «Практическую риторику» («*Rhetorica practica*»), переведенную им затем на «славенороссийский» язык под названием «Книга приветств на господския и на иныя праздники и иныя речи разныя» [3, с. 160–163]. Она содержала, между прочим, приветственные речи по случаю Рождества, Нового года, Пасхи, дней памяти святых, а также по поводу других знаменательных событий общественной и придворной жизни, ритуально-обрядовых ситуаций. В 1680 г. Симеон Полоцкий создал рукописный сборник панегирических стихов «на случай» под заглавием «Рифмологион», в котором поместил разные стихи на случаи придворной жизни, праздники Рождества, Пасхи, дни памяти святых, в том числе также стихи на Новый год.

Следует отметить, что празднование Нового года приобрело новый облик при Петре I, который, отпраздновав в 1699 г. наступление Нового года 1 сентября (в допетровские времена новый год на Руси начинался с 1 сентября, а день 1 января считался языческим праздником и не приветствовался христианской церковью), издал 19 декабря указ, согласно которому новый год начинался с 1 января, а летоисчисление велось не по старому — от «сотворения мира», а по-европейски — от Рождества Христова. Так 7208-й год стал годом 1700-м, и, как ошибочно было написано в указе от 20 декабря о праздновании Нового года, началом нового столетия (тогда как на самом деле 1700 г. является последним годом XVII в., а не первым годом нового, XVIII в.). Согласно указу, полагалось отмечать этот праздник семь дней с особой торжественностью (украшать дома и площади новогодними деревьями, поздравлять друг друга, организовывать фейерверки, стрельбу из пушек, наряжаться, угощаться и т. д.). Торжественное слово в честь Нового года произнес 1 января 1700 г. Стефан Яворский.

Праздничная культура России XVIII в. способствовала, несомненно, развитию окказиональной поэзии, среди которой особое место

занимала ода на Новый год. Она была одним из типов пиндарической или торжественной оды [1], которая выделилась из лона торжественной оды в 60-е гг. XVIII в. и развивалась вплоть до первого десятилетия следующего века [Там же, с. 21–22]. Оды на Новый год создавали как выдающиеся поэты эпохи классицизма (например, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков), так и ряд других знаменитых поэтов (М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, В. И. Майков, И. И. Дмитриев, В. П. Петров, Н. А. Львов, С. С. Бобров, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, Е. И. Костров), а также второ- и третьестепенные авторы последних десятилетий XVIII столетия [7, с. 120–129].

К основным константным структурным и содержательным признакам оды на Новый год принадлежат следующие: заглавие включает в себя обычно формулу «на Новый год»; поэтический предмет эксплицируется в лирическом сюжете и композиционно локализуется в начальных и конечных строфах оды; посредством автора выражаются общие, объединяющие всех подданных чувства и мысли, связанные с будущим страны на пороге нового времени; представление образа идеального человека на троне и его одическое комплементирование; присутствие темпоральной антитезы «прошлое — настоящее»; описание момента связи времен — прошлого и будущего и момента перехода; высокий стиль, характеризующийся обилием метафор, гипербол, эпитетов, олицетворений, риторических обращений и вопросов; стихотворный размер — четырехстопный ямб; десятистрочная строфа [1, с. 25–26].

Следует при этом отметить, что новогодняя тема находила для себя все новые пути выражения даже в пределах одического жанра, который никогда не был одномерен и совмещал в себе элементы разных типов торжественных од, а также других жанровых форм (сатиры, элегии, дидактических стихов, песен и пр.) [Там же, с. 14–18, 100]. Трансформация жанра оды на Новый год была также тесно связана со стремлением к индивидуализации образа автора и усилению в ней личностного начала. Кстати, эта тенденция была свойственна и другим жанрам поэзии конца XVIII столетия. В результате на рубеже 1780–1790-х гг. стали появляться «единичные» произведения, не учтенные нормативными поэтиками, но генетически связанные с торжественной одой на Новый год. Отличительным признаком такого рода текстов была «переходность» их поэтики, впитавшей в себя сентименталистские, предромантические, предреалистические и иногда даже барочные тенденции [7, с. 123–124].

К таким именно эволюционным вариантам новогодней оды, содержащим мотив Нового года и одновременно усиливающим личное начало,

принадлежат два стихотворения знаменитого писателя и литературного деятеля конца XVIII – начала XIX в. Семена Сергеевича Боброва [4, с. 96–99]. Хотя в его творчестве находим также типичные оды на случай Нового года (например, «Столетняя песнь, или Торжество осьмнадцатого века», «К новостолетию XIX», «Запрос новому веку», «Предчувственный отзыв века») [1, с. 168–210], но мы уделим внимание двум стихотворениям Боброва, являющимся трансформацией одического жанра, в которых усилено личное начало. Это «Первый час года. К другу И<косову>» (1789) и «Песнь несчастного на Новый год к благодетелю» (1795).

Стихотворение «Первый час года. К другу И<косову>» было создано Бобровым в 1789 г. и адресовано его университетскому товарищу П. П. Икосову. Генеалогически оно связано как с жанром новогодней оды, так и с дружеским посланием, которое вошло в моду на рубеже столетий [5]. Согласно традиции жанра новогодней оды, уже заглавие сообщает о его жанровой принадлежности, а вторая часть — посвящение — намекает на его личный, интимный характер.

Стихотворение начинается с типичной для жанра новогодней оды темпоральной антитезы «прошлое — настоящее» и описания последних моментов старого года, уход которого провозглашает звук часов. Старый год представлен в произведении Боброва наподобие умершего человека, который, призванный в точно определенное время, должен оставить все и уйти. Похоронную тематику дополняют также сопутствующие его уходу слезы, гроб, мрачная урна, а также коса, появляющаяся как в фольклоре, так и в поэзии эпохи барокко. В стихотворении Боброва коса, пресыщенная кровью смертных и притупленная их костями, висит между кипарисами. Эта «кладбищенская» тематика указывает на сходство стихотворения с поэзией Э. Юнга, а образ «гроба столетия» подтверждает знакомство Боброва со стихотворением А. Радищева — «Осьмнадцатое столетие».

Место старого года с дряхлыми крыльями занимает «слетевший из бездны» юный сын вечности, снабженный крыльями юности. Перед ним играют воскресшие дочери — богини правосудия Фемиды, а прислуживает ему весна, которая рассыпает перед ним усопшие красы:

И вместо вихрей вывесть тщится
Спокойны в январе часы [2, с. 77].

Вместе с ней выходят из храмины на «хладный воздух» дрожащие зефиры. Весна скрывает перед ними свой взор, так как она не смогла преодолеть зимы и скинуть с деревьев «зимы железного чела»:

Она с улыбною выходит
Из храмины своей пустой,
Дрожащих *зефиров* выводит
На хладный воздух за собой;
Но взор *одеждой* закрывая
И паки в храмину вступая,
Стенет, что скинуть не могла
Толь рано с *древ одежд* пушистых,
И погрузить в слезах серебристых
Зимы железного чела [2, с. 77–78].

Антропоморфный образ времен года — весны и зимы — сопутствует описанию ухода старого и прихода нового года.

Новый год, сын вечности, исполненный влияния планет, несет для жителей всего мира в мрачной урне сокровенный жребий. Судьба человечества на новый год уже решена, и никто не может от нее бежать. В связи с тем одинаково бояться нового года и того, что он принесет, как герои, так и обыкновенные черви. Своего будущего, в том числе и смерти, не опасаются лишь «души правдивые», т. е. честные люди. Однако среди людей есть и такие, которые желают умереть:

Другой, стоя вдали, вздыхает
И робки взоры простирает
На нового небес посла,
Железную стрелу держаща,
О роковой свой брус точаща,
Дабы пронзить его могла [Там же, с. 78].

Свои рассуждения насчет того, что принесет новый год человечеству, лирический герой заканчивает мыслью, что он сам готов принять от судьбы все, что она ему принесет. И дальше, используя традиционный для эпохи сентиментализма мотив дружбы, он обращается к своему другу с полными оптимизма словами, что даже если смерть придет к нему, то он не умрет, а лишь уснет:

Но если я твой одр суровый
Слезой омою в год сей новый
И ты — в свой темный гроб сойдешь,

Возможно ль, ах! — при смерти люты
Иметь тебе тогда минуты?
Любезный друг! — ты лишь уснешь [2, с. 78].

Как можно заметить, эта часть стихотворения Боброва связана с сентиментальной поэтикой также использованными в ней междометиями и обращениями, которые выражают личный, эмоциональный подход к ближайшему другу и его судьбе.

Свое стихотворение лирический герой заканчивает просьбой-молитвой, обращенной к Паркам — трем древнеримским богиням судьбы, чтобы они как самому лирическому герою, так и его другу позволили жить до поздней старости, а их дружба могла бы продолжаться до конца их дней:

Когда же Парки уважают
Тобой боготворимых муз,
И ножниц острие смягчают,
Да не прервется наш союз;
Тогда скажу я возхищенный:
«О Феб, Латоною рожденный!
Еще дай новых нам годов,
Да мы продлим дни в дружбе нежной,
Доколе век наш безмятежной
Не осребрит на нас власов!» [Там же, с. 78–79].

Совмещение традиционной новогодней тематики с личным началом встречаем также в черырехстрочном ямбическом стихотворении С. С. Боброва «Песнь несчастного на Новый год к благодетелю» (1795). Ему предшествует эпиграф на английском языке: «Without shelter from the blasts in vain we hope the tender plant», автором которого является Марк Акенсайд — английский поэт и врач (1721–1770). В переводе на русский язык звучит он следующим образом: «Лишенные защиты от урагана, напрасно мы возлагаем надежды на слабый цветок». Как эпиграф, так и само стихотворение содержат намеки на личную жизнь Боброва и его судьбу. Несмотря на то, что к 1791 г. Бобров уже вполне сложился как оригинальный поэт и приобрел известность, именно в это время он был лишен возможности участвовать в столичной литературной жизни. В августе 1791 г. он переехал на юг России. Судя по его позднейшим поэтическим жалобам, это была неофициальная ссылка. Возможно, она была как-то связана с процессом над А. Н. Радищевым, с которым у Боброва были какие-то личные отношения, или с правительственными гонениями

на «мартинистов», но никаких сведений на этот счет нет. Именно во время пребывания на юге России он и написал названное нами произведение, эпиграф которого содержит намеки на тогдашнюю общественную и политическую ситуацию в стране. Приход Нового года стал для Боброва временем надежды на лучшее будущее. Мотив ухода старого и прихода нового года Бобров связывает с металлическим звуком часов, которые сообщают о новом времени, а также солнцем, небом и самим временем, которое приобретает у него вид неопределенного поезда на колесах:

Звукнул времени суровый
Металлический язык;
Звукнул — отозвался новый,
И помчал далече зык.

Снова солнцы покатались
По палящим небесам;
Снова шумны обратились
Времени колеса там [2, с. 119].

Традиционные для жанра новогодней оды поздравления обращены в стихотворении Боброва не к конкретному человеку или какой-то общественной или национальной группе, а ко всем жителям земли («земнородны племена»). Лирический герой наподобие какого-то пророка или религиозного вождя благословляет их и согласно новогодней традиции желает им радости, счастья, а также такого удовольствия от земной жизни, как у древних племен:

Будьте вновь благословенны,
Земнородны племена!
Будьте паки восхищенны,
Как в прежни времена!

Пейте в полной чаше радость!
Пейте здравия струи!
Ощущайте жизни сладость!
Украшайте дни свои! [Там же, с. 120]

Бытийная ситуация перехода от прошлого к будущему спровоцировала лирического героя к тому, чтобы задуматься над неустранимыми противоречиями, которые возникли в процессе эволюции общества и человека во времени. В их результате люди становились менее счастливыми.

После этих размышлений общего плана лирический герой переходит к единичному плану и своей личной жизни, которая не сложилась благополучно:

Мне судьбина отреклася
Бурю жизни отвратить;
Знать, она еще клялася
Горьку желчь свою разлить [2, с. 120].

Ряд риторических вопросов, обращенных к року, свидетельствует о том, что прошлый год был для лирического героя очень тяжелым, и он не верит в то, что новый год сумеет, как хороший врач, излечить его:

Рок, о рок, — почто толь рано
Ты мне желчь подносишь в дар?
Неужель на свежу рану
Свежий мне даешь удар? [Там же, с. 120]

Спасением для лирического героя является «Муж великий, состраждущий, кроткий», под которым можно подразумевать Бога. Именно к нему он обращается с просьбой улучшения своей судьбы. Используя метафорический образ грозы, символизирующей его прошлую жизнь, и хорошей погоды, которая всегда приходит после грозы, лирический герой надеется на то, что она осушит его слезы:

Коль не поздно, в новом годе
Не пролью я новых слез;
После бурь в другой погоде
Осушу их средь очес... [Там же, с. 121]

Как мы можем увидеть, жанр новогодней оды послужил Боброву для выражения не только общественных, но и личных настроений. Однако в противовес традиционным новогодним одам, прославляющим страну и царствующих особ, рассмотренные нами новогодние стихотворения Боброва выражают и личные авторские чувства. На их примере мы можем наблюдать процесс исчерпания жанровых возможностей жанра оды на Новый год и постепенное разрушение господствующего в эпоху классицизма этого жанрового канона. Так, рядом с высокими, торжественными по своему содержанию и форме фрагментами появляются в стихотворениях Боброва личные, интимные высказывания, которые имели много общего с поэтикой сентиментализма.

Эволюция заметна также в жанровых наименованиях новогодних стихотворений Боброва. Как в традиционных реализациях этого жанра, так и в анализированных нами его новогодних стихах, они не определяются как оды, а называются просто стихами или совсем утрачивают жанровую экспликацию. Существенным является также то, что Бобров стремился в них к индивидуализации образа лирического «я» и усилению личностного начала, чего не замечаем в его традиционных одах на Новый год. Именно поэтому можно прийти к выводу, что эволюция жанра, заметная в творчестве одного писателя, свидетельствует о его поэтическом таланте, стремлении к новым литературным решениям и его литературном развитии.

-
1. *Петров А. В.* Оды «на Новый год», или Открытие времени: Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века. Магнитогорск, 2005.
 2. Поэты 1790–1810-х годов / сост. Ю. Лотман, Л., 1971. [Б-ка поэта; Большая серия.]
 3. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. М., 2006.
 4. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А — И) / ред. Н. Д. Кочеткова. Л., 1988.
 5. *Todd V. M.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.
 6. Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com/15/204/1528832.htm>
 7. *Warda A.* Из наблюдений над эволюцией жанра новогодней оды в России XVIII века // Русская литература XVIII–XXI вв. В диалоге с литературным и культурным наследием / pod red. O. Główko, E. Sadzińskiej. Łódź, 2010. S. 120–129.